

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА *MATEŘÍDOUŠKA*)

EVA MALENOVÁ (BRNO)

Толчком к этой теме стал для меня выпуск детского журнала *Mateřídouška* 50-ого года прошлого века. Интоксикация советской идеологией в нём заметна буквально с первого взгляда, и это касается не только переводов русских писателей, а также произведений чехословацких авторов и одновременно и писем чехословацких детей в редакцию журнала. Так как журнал *Mateřídouška* издается с конца 1945-ого года, можно было проследить развитие советского влияния и возникшие по этому поводу изменения в поэтике журнала. Особенно интенсивно советская идеология проникала в журнал с 1948 года до половины 50-ых годов. Этот период является предметом моего исследования.

Название журнала «*Mateřídouška*» (в русском языке «тимьян» – богородская трава) возникло ассоциативно с названием сборника народного творчества К. Я. Эрбена. Основателем „*Mateřídoušky*“ был чешский поэт František Hrubín. Первый номер журнала для детей дошкольного и младшего школьного возраста появился в декабре 1945 и в нём публиковались выдающиеся поэты, как например, Jaroslav Seifert, František Halas, František Hrubín, Josef Lada. Первый выпуск журнала основал традицию регулярного печатания переводов сказок и рассказов (чаще всего русских, французских и американских), фольклорных текстов (стишки, коляды...); последнюю страницу заполнял художник Ondřej Sekora со своей серией о муравье Ферде (эта традиция была прервана в конце 50-ого года, когда на её смену пришла пропаганда шахтерской профессии). Изначально преобладали в журнале стихи над прозой, домашние произведения – над переводами; появлялись христианские мотивы. Журнал выходил каждые две

недели, и его можно было характеризовать как художественный журнал для детей.

Первое нарушение указанных традиций коснулось переводных сказок. С июня 1948 года исчезли из журнала американские и французские сказки; начали больше публиковаться переводы напр. с польского языка; вплоть до второй половины 50-ых годов журнал односторонне зависел от переводов с русского¹. Печатались напр.: В. Бианки, Е. Чарушин, М. Горкий, В. Маяковский, С. Маршак, С. Михалков, Н. Носов, В. Осеева, М. Пришвин, Л. Н. Толстой, А. Толстой, А. Гайдар и многие другие, причём большинство этих переводов носило идеологическую окраску.

Христианские мотивы исчезали постепенно, но перелом можно демонстрировать в произведениях основателя журнала Františka Hrubína: ещё в декабре 1948 печаталось в журнале его стихотворение с откровенно христианской тематикой «В Вифлеем» (Do Betléma): „Mámo, pust' mne do Betlema,/ Ježíšek si s kým hrát nemá,/ [...] Mámo, ty si zpívej zatím,/ však já se ti brzy vrátím/ s drobtlem chleba, s kapkou vína/ od úst Mariina syna.“² В январе следующего года у того же писателя появляется заводская тематика «Заводы на солнце» (Továrny na slunci); хотя необходимо заметить, что František Hrubín никогда не стал «певцом коммунизма», однако его стихи были напечатаны на одной странице со стихотворением «Пятилетка» (Pětiletka).

Изменения также коснулись уже упомянутой серии о муравье Ферде. Например, в январе 1949 она несёт название «Муравей Ферда работает для пятилетки» (Ferda mravenec pracuje pro pětiletku); в феврале «Муравей Ферда модернизирует муравейник» (Ferda mravenec modernisuje mraveniště) и т. д.

Советская идеология проявлялась, конечно, не только в литературе для детей, а прежде всего в теории и критике детской литературы. Нередко переводились статьи советских критиков, например, в критическом обозрении детской литературы „Štěpnice“ номер 8, 1949-ого года была опубликована переводная статья А. С. Макаренко с названием: Воспитание культурных навыков (Výchova kulturních návyků): «[...] существует много интересных легенд об Иване дурачке, но из

¹ „Od druhé poloviny 50. let přestala být Mateřídouška jednostranně závislá na překladech ze sovětských dětských časopisů.“ (Dokoupil, B.: Slovník českých literárních časopisů, periodických literárních sborníků a almanachů 1945-2000. Brno, 2002, s. 146.)

² Mateřídouška, prosinec 1948, s. 56.

них надо выбирать только те, в которых человеческая глупость наказана, и в которых называют Ивана глупым только иронически». Применение таких требований можно наглядно демонстрировать в журнале Mateřidouška. „Hloupý Honza“ – фигура типичная для чешского фольклора (чешский антипод Ивана дурачка) – тенденциозно меняется под влиянием идеологии. В первом номере журнала в сказке Josefa Lady он ещё выступает как глупый ленивый персонаж, который из-за своей лени не пошёл спасать принцессу. После 1948 года появляются только варианты сказок, в которых Honza или Иван побеждают глупых богатых королей, князей или злых братьев, короче говоря, после переворота Honza всегда трудолюбивый и глупым он только кажется.

Назову ещё одну заметную тенденцию из критического обозрения Štěpnice. В ноябре 1947 публиковалась статья с названием „Profil americké dětské knihy“ – это рассудительная характеристика американской детской литературы конца второй мировой войны и прежде всего 1945 года. Два года спустя появилась в том же журнале статья, показывающая американскую литературу для детей как сплошную порнографию и одно из свитетельств неполноценности капитализма³. Эти тенденции также оказали влияние на журнал Mateřidouška. Я уже упоминала исчезновение американских сказок из журнала после июня 1948 года, постепенно нарастают стремления показывать детям всё американское как символ зла.

Следующее изменение, совершаемое под явным влиянием идеологии, коснулось в поэтике журнала основы волшебной сказки. Так как всё волшебное советской идеологии не нужно, меняются традиционные сюжеты – например, сказка К. Эрбена «Tři zlaté vlasy děda Vševedá» стала пропагандой мудрого Сталина: „Byl by na světě děd Vševed – jasně sluníčko, který by dovedl poradit? [...] Ano. Našel se moudrý člověk, jmenuje se Stalin. Dlouho se radil s inženýry a dělníky, přemýšlel a pak poradil, rozhodl.“⁴

³ „Ukazují (fakta – doplnila EM) také onu nesmírně hlubokou propast mezi anarchisticky vydávanou a na zisk vypočítanou „dětskou literaturou“ dnešní Ameriky, která e rovněž jedním z dokladů zřdné zhoubnosti kapitalismu a mezi nesmírnou a odpovědnou péčí SSSR a lidových demokracií o výchovu dětského čtenáře k uvědomění, k výchově k mravnosti, čestnosti, k opravdovému socialistickému humanismu. Kapitalistická braková „dětská literatura“ vychovává, jak z tohoto článku vidno, naopak ke zločinnosti a nemravnosti.“ (Štěpnice 1949, č. 10, s. 148-150).

⁴ Černý, K.: O velkých studnách živé vody. Mateřidouška, listopad 1950, s. 58-59.

В период самого сильного влияния советской идеологии (что касается приблизительно периода с 1948 года по половину 50-ых годов) можно выделить несколько повторяющихся символов, своеобразных советских мифологем:

1. Символ идеализированного вождя (Ленин, Сталин, Готвальд и др.)

В этом случае использовалось сильное эмоциональное воздействие на детские души. Сталин – вождь, самый мудрый и одновременно самый близкий человек рядом с отцом и матерью. В связи с чехословацкими вождями проявлялась та же идеологизация и идеализация. Например, у Jana Nohy – стихотворение «Lenin»: „Lenin byl jako slunce/ pln světla, plný víry...» (s. 39, 15. října 1950); Noha, Jan: «Žije člověk»: „Žije člověk,/ má rád děti,/ má rád dobré lidi,/ svými sny/ a svými skutky/ do daleka vidí!// Vidí, jak si děti hrají/ a jak lidé žijí,/ kde už pole dozrávají/ a kde ještě sijí,/ vidí lesy, řeky, moře,/ města práce plná,/ jeho slovem lidské hoře/ mizí jako vlna!// Žije člověk,/ svými skutky/ do daleka vidí,/ je to Stalin,/ je to slunce/ pracujících lidí!“ (s. 103, 15. prosince 1950); Пятый выпуск журнала в 1952 году был посвящен специально К. Готвальду. Jindřich Hilčr: Myslíme na vás. „Přijměte vroucí, vroucí dřík,/ přijměte doušku rozechvělou./ Do boje za mír, bojovník,/ vedete znovu zemi celou.// ... Myslíme na vás každý den,/ jak na lásku se vroucně myslí./ Máme vás prostě v srdci svém,/ v každém svém slově, v každé písni.“ (Mateřídouška, 1952, s. 66.)

2. Символ революции,

- как нового справедливого света. Здесь, та же идеализация и сглаживание противоречий. Maršak, S.: Sedmý listopad v Moskvě. „Rudou barvou dneska září/ sedmička v mém kalendáři./ Podívej se oknem: všude/ v ulicích je všechno rudé.// Každé okno, každá střecha/ jako by dnes hořela./ Tam, kde jindy tramvaj spěchá,/ kapela jde zvesela.// Celá země – i my děti/ velký svátek máme dnes./ Rudý balonek můj letí,/ přímo k obloze se vznese.“ (s. 40–41, 15. října 1950). Noha, Jan: Říjnová revoluce. „Rodiče moji neměli kde bydlet./ Boháči měli paláce./ My však už nikdy nepoznáme,/ co je to býti bez práce!// V palácích jsou dnes ozdravovny,/ pracovny našich závodů./ A zítra pro chleba si půjdem/ tak jako dneska pro vodu!// Kdo tohle všechno způsobil,/ kdo podal chudým ruce?/ Dělníci spolu s rolníky, Říjnová revoluce!“ (s. 36, 15. října 1950)

3. Преодоление человеком природы, подвиг

Например, Игорь Муратов в стихотворении «Poslušný déšť» рисует ситуацию, когда московские «soudruzi» (товарищи) организовали дождь во имя спасения урожая от засухи (Mateřidouška, 1. listopadu 1950, s. 59-60). Но в журнал присылали свои сочинения также сами дети – напр. стихотворение «Zlá, nevlídná je Kara-kum» написала „Alena Kuglerová, naše dopisovatelka ze 3. střední školy v Praze-Košlích“: „Zlá, nevlídná je Kara-Kum,/ ke zvířatům i ptákům;// člověk tam nemůže žít,/ není tam jídlo, není co pít.// Stalin dal z Moskvy příkaz všem/ udělat z pouště úrodnou zem.// Soudruzi přehrady postavili,/ v klasy se mění písek bílý.// Kde byla poušť, tam po letech/ obrovský kolchoz rozkvete.// ovocné sady, lesy, růže./ Člověka poušť už nepřemůže.“ (Mateřidouška, 15. dubna 1951, s. 244)

4. Работа, ударничество и перевыполнение плана

- как идеал и пример для подражания. Выдвигались лозунги типа: „V třetím roce pětiletky nechceme mít žádné pětky.“ Blažej, Jan: Jako táta. „Náš táta nosí montérky;/ je na nich olej a prach./ On je, panečku, z úderky/ a dělá na třech mašinách.// Já budu také úderník,/ do továrny s ním půjdu;/ jako on dělat na strojích/ a nejmíň na třech budu.“ (s. 9, 1. září 1950).

Пропагандировалась профессия шахтёра – как самая престижная, отвечающая духу времени. Специальный выпуск журнала, посвящённый профессии шахтёров, публиковался 1 мая 1951, напр. Czerkawska, M.: Horník. „Můj táta je horník,/ to je velký pán./ O plných sto procent/ překračuje plán.// Až já budu horník,/ oba budem pány./ Pak spolu o dvě stě/ překročíme plány!“ (s. 259, 1. května 1951)

5. Враги народа

Необходимо отметить, что врагом считалась лень рядом с капиталистами и прежде всего американцами; детская литература была переполнена поисками классовых врагов народа. Напр. у Сергея Михалкова стихотворение «Они и мы» – Где «они» - там зло, тьма, где «мы» – там всегда свет и правда. Michalkov, Sergej: Oni a my: „O nové válce hovoří oni,/ atomovou pumou straší svět.// My v míru rosteme, stavíme domy/ pod světlým nebem do budoucích let.“ (s. 125, 1. ledna 1951)

6. Пролетарский интернационализм

Эта тема внедрялась в сознание детей, с акцентом на дружественные страны – Китай, Чехословакия, СССР, Венгрия и т. д. Janczarski, Czeslaw: Chceme se učit. „Radostně dneska ve školních zdech/ učí se ma-

lý Maďar i Čech.// Také náš přítel maličký Váňa/ do školy spěchá každého rána.// Maličký Číňan tak jako my/ učí se sčítat: jeden, dva, tři.// Ale jsou ještě kraje na zemi,/ kde děti nežijí, jak žijeme my.// Dělnický chlapec v Japonsku má hlad,/ chtěl by se učít psát i počítat. [...] (s. 164, 1. února 1951)

7. Пионер

Частое описание вступления в пионеры как счастливейшего мгновения в жизни чехословацких детей. „Nejkrásnější chvíle“ (od Jarky Tůmové ze 4. střední školy v Praze-Košířích): „Moje nejkrásnější chvíle byla tehdy, když jsem měla skládat čestný pionýrský slib.“ (s. 86, 1. prosince 1950).

Можно заключить, что в детской литературе в Чехословакии произошёл после 1948-ого года подобный поворот, как в России после Революции 1917-ого года. Журнал *Mateřídouška* стал явно политически ангажированным, заимствовал советскую тематику и следовал требованиям теоретиков и критиков детской литературы. Вплоть до второй половины 50-ых годов журнал вполне зависел от переводов с русского языка. С 60-ых годов начался период, когда журнал «сосредоточился более на современном домашнем творчестве и классике мировой литературы»⁵. Конечно, советская идеология проявлялась не во всех текстах журнала. Переводились также тексты о природе (напр. «Лесная газета» Василия Бианки), в журнал также продолжали писать чешские поэты, в том числе, František Hrubín и др. Но всё-таки в период мной исследованный преобладает материал, несущий идеологическую печать. В поэтике текстов можно наблюдать, кроме повторяющихся символов, тенденции к схематическому изображению – всё советское является идеальным. Дети изображаются как маленькие взрослые – они сознательные, трудолюбивые, любящие свою родину и служащие ей. Жанр волшебной сказки был исключён; стремление к конкретно реалистическому, а главное, актуальному, отражению советской действительности было по сути псевдореальным и искажённым в своей основе.

⁵ „Od 60. let se *Mateřídouška* soustředila spíše na současnou domácí tvorbu a zlatý fond světové literatury...“ (Dokoupil, B., s. 146)

Литература

- Makarenko, A. S.: Výchova kulturních návyků. In: Štěpnice, kritická revue tvorby pro mládež. Praha, 1949, roč. II, číslo 8-9, s. 121-126.
- Hykeš, P.: Funkce časopisu pro děti a mládež. In: Štěpnice, kritická revue tvorby pro mládež. Praha, 1949, roč. II, číslo 6-7, s. 84 – 88.
- Dokoupil, B.: Slovník českých literárních časopisů, periodických literárních sborníků a almanachů 1945 – 2000. Brno, 2002, s. 145 – 149.
- Putilova, E. O.: Očerki po istorii kritiki sovetskoj detskoj literatury 1917-1941. Moskva, 1982.
- Mateřidouška. (1945 – 1956).

Zusammenfassung

Die Kinderzeitschrift *Mateřidouška* wurde im Jahre 1945 vom Schriftsteller František Hrubín gegründet. *Mateřidouška* erscheint in Tschechien bis heute und der Charakter dieser Zeitschrift wurde mehrmals ideologisch geändert. Zu den wichtigsten Änderungen kam es seit dem Jahr 1948 bis 2. Hälfte der 50er Jahre; zu dieser Zeit war der Einfluss der sowjetischen Ideologie am stärksten.

